

Валерий Попов

ПОСЛЕДНЕЕ
БЕЗУМНОЕ
ПОКОЛЕНИЕ

люди и книги
Санкт-Петербург

СОЧИНЯЯ ЖИЗНЬ

Повесть

ГЛАВА 1

Я лежу под яблоней, на раскладушке. Чуть дальше терраса. Картина необыкновенно ясная. Но все же я понимаю, что это сон. Потому что какой-то голос сверху спокойно говорит: «Спать под яблоней – это смерть». Яблоня, необыкновенно стройная и высокая (таких не бывает), поднимается прямо передо мной до неба и вся снизу доверху покрыта соцветиями из четырех нежных белых цветков. Ветра нет. Сзади, за моей головой (для убедительности?), хлопают двери автомобилей. Раскладушка очень удобная, широкая, можно сладко потянуться всем телом. Где-то рядом, я чувствую, спит и моя жена. Где точно, не знаю, но знаю, что здесь, – это и тревожит, и успокаивает. Все торжественно и роскошно. Снова хлопают двери – видимо, дорогих автомобилей. Съезжают люди. Зачем?

Этот вопрос, заданный мною во сне, меня разбудил. Действительно, зачем съехались, если я еще жив? И у кого из моих друзей такие автомобили? Прицепившись, в общем, к мелочи, сон отвергаю. Не подошел!

Реальность – сильней. Какой-то вольный, веселый звук воды, падающей в звонкое железное ведро. Каждое утро, в положенное время! Люблю этот звук еще и потому, что знаю: после него будет полчаса тишины и покоя. Можно потянуться лежа. Все части тела на месте. И в больнице есть минуты блаженства. Тусклый рассвет. По коридору приближается какое-то уютное, даже веселое, бряканье. Сейчас тебе что-то привезут! Капельницу? Завтрак? И то и это – забота. Давно уже не было так спокойно и легко. Бряканье в коридоре удаляется, затихает... проехали. Знаю, начинают утреннюю раздачу с того конца. И эта уже знакомая подробность наполняет блаженством, какого не было уже давно. Вот где, оказывается, оно живет! У меня есть еще минут двадцать счастья, и я погружаюсь в него. Все молчат, никто еще не разговорился – время размышлений.

Пошевелил пальцами ног А вот и боль во лбу, словно выстрел. Нет, это сравнение снимаю. Боль гуманнее. Удивительно, что каждый раз она дает некоторую паузу – и только потом

возникает полосой от макушки до левого глаза, мутя сознание.

– Да ты настоящих похорон не видал! – увесистый голос главного авторитета в палате. Нашли тему. Знает все, до мельчайших подробностей, и охотно делится. – Это же разве похороны? – презрительно произносит. Напоминает, кстати, «подавляющим авторитетом» моего друга Бориса, который, думаю, появится здесь.

А пока соседи стоят у окна и обсуждают вынос «клиента» из морга. Прямо под нашими окнами – нам повезло. Хватает и хлеба, и зрелищ. Разнообразие похорон возбуждает, наполняет всех то гневом, то умилением. Стыдно, конечно, что я не участвую в этом «празднике», но не могу встать – общая слабость. Ясное дело, симулянт, прогульщик «праздника похорон». Отношение к себе чувствую высокомерное: какой же это больной – даже без повязки на голове? Они все «бойцы», с боевыми травмами, полученными в результате столкновений с предметами и людьми. «Зайчики», как ласково называют они себя, с повязками на голове и марлевыми «ушками».

– О! Еще «зайчик»! – радостно приветствуют. – Ну, рассказывай!

И тот органично входит в коллектив. А я вроде как симулянт. Какие-либо внутренние

причины болезни головы они отрицают – тупота! И мне, конечно, неловко...

– Нет, есть же такие люди! – «лидер» наш развивает тему. – Человек уходит! А они копейки считают. Стыдно за них. Гроб этот... дешевле раскладушки! – Презрительно машет рукой. Он бы, конечно, не поскупился... да денег нет.

– А я считаю, правы они, – вступает тощенький оппонент: – Лучше деньги в хозяйство вложить, чем в эту дребедень.

Авторитет медленно поворачивается. Вот сейчас размажет спорщика, соплей не останется. Хоть в полемику вступай, собрав последние силы, – на стороне, естественно, тощенького.

Но тут входит врач.

– Кыш от окна!

И палатная иерархия временно свертывается, все расходятся по местам и смотрят просто как больные, несчастные люди. Но когда врач неожиданно садится сначала ко мне, несправедливость эта их бесит: «Порядок же должен быть! К кому сел? Тут человек есть – с крыши упал, а этот лепила сел к симулянту!» Вижу их возмущение. Всюду жизнь и борьба.

– Ну, рассказывайте, что случилось.

– Я уже рассказывал в приемном покое.

Мне не жалко, но больно говорить. И есть.

– Теперь расскажите мне, – мягко произносит он, – все, что касается вашего появления здесь.

– Ну, была боль, от макушки до левой брови. Пошел в поликлинику. Назначили процедуры, уколы. И вот прихожу на уколы. Второй раз. Лаборантка другая была. Первая была молодая... ядовитая.

Ядовитая: все подшучивала, подначивала.

– «Два укола, – говорит, – и оба в попу! Вы как больше любите: лежа, стоя?» – «В данной ситуации лучше стоя!» «И мне! – говорит она. – Вынимайте ампулы из коробочек. Сами, сами... Мелкая моторика – это очень важно для мозга». – Бодро сделала уколы, щлепнула, и я какой-то радостный от нее вышел, словно действительно у женщины побывал.

– Можно без отступлений?

– Можно. Но вы же сами просили все... А на второй день хмурая была, пожилая. «Стоя?» – бодро говорю. «Лежа!» – рывкнула. И я как-то расстроился... Всегда говорю не то... И – туман.

– Эпиленсией не страдаете?

– Нет.

– МРТ головы делали?

– Не помню. А, здесь? Нет.

– Не работает МРТ. Неделю уже, – подключились соседи.

– Болваны! – процедил врач.

Надеюсь, это не к нам относится.

И врач пересел к соседу.

А я сказал себе: «Скорее отсюда, всеми мыслями прочь, пока боль не заела!»

Я выхожу из арки (впервые после нашего переезда в Ленинград?) и стою бабушкой закутанный, перевязанный шалью – не двинуться. Лютый мороз. Слипаются ноздри, и я пытаюсь разлепить их, шумно выдыхая через нос горячий воздух, превращающийся в белые клубы пара. Это нравится мне – хоть какое-то действие. Выпустили постоять. Двигаться тяжело. И куда – непонятно. Обступает тьма, лампочка над аркой высвечивает чуть-чуть белые ямы и горы, рытвины и сугробы. И на краю первой рытвины я как раз и стою. Шагну – и ноги уедут вниз, и устоять не удастся, упаду. Выпустили, называется, мальчика погулять, чтобы освоился! Помню, произношу это мысленно, с легкой насмешкой. Тело неуклюже, того гляди свалюсь – а мысль уже летает вольно, судит обо всем с насмешкой и свысока. Это я отмечаю в себе. Первый выход надо запомнить.

Вдруг ко мне, как змея, тянется длинная тень от соседней арки. И вслед за ней приближается пьяный – неподвижный, стеклянный взгляд. Не найдя во мне ничего интересного,

делает один неверный шаг – и исчезает, катится в яму, увидеть успеваю лишь взметнувшиеся руки. Выползает назад. Лицо уже другое, измученное. Весь в снегу. Я, хороший мальчик, кидаюсь к нему, стряхиваю варежкой налипший снег. Теперь он внимательно смотрит на меня. Не ожидал, видимо, что его спасти будет такой малец. Покачиваясь, он лезет вдруг за пазуху, роется там, не вынимая руки, взгляд его становится сосредоточенным. Вынимает бумажку. Разглядывает ее. Явно он рассчитывал вытащить другую купюру. Целых три рубля. Злобно протягивает ее мне. Беру. Ясно вижу ее при свете фонаря. До того – и долгое время после того – не держал в руках денег, поэтому жадно вглядываюсь. Распознаю буквы: «Три рубля». И еще на этой жестковатой бумажке, словно промасленной, с таинственным мелким узором, изображен военный в шлеме. Летчик? Танкист? Радуюсь. Держу. Прятать некуда – весь замотан. Эх, надо было в варежку – не догадался! Не сказав ни слова (а ведь слово, как я тогда уже чувствовал, лучше всего), он поворачивается и продолжает свой трудный путь. И летит в ту же яму, взмахнув руками. Выбирается ошарашенный: что же, теперь так будет всегда? Я снова отряхиваю его, и вдруг он, повернувшись ко мне, резко выхватывает трешку из моей руки. Хватит, попользовался!

Нароют тут ям – и обирают прохожих. Сейчас, чувствую, будет удар. Я пачусь и скрываюсь за калиткой. Но почему-то довольный. Приключение! И что-то уже соображаю для себя: удачей надо пользоваться молниеносно, не хлопать ушами.

– Хорошо погулял? – спрашивает бабушка.

– Хорошо! – гляжу на себя в зеркало, румяный, глаза блестят.

– А чего так быстро?

«Надо было еще быстрее!» – шучу я про себя, но вслух не говорю. Урок жизни. И такой яркий!

– В пионеры вас будут принимать в Музее Кирова! – сообщает нам Марья Сергеевна. – Это большая честь для вас! Вы должны принести с собой галстук. И быть в аккуратных белых рубашках. Я это уже вам говорила. Сейчас вы положите галстуки на парту, и я осматрю их. Они обязательно должны быть куплены в магазине. Никакого самостоятельного пошива. Я предупреждала. Кладите галстуки на угол парты в сложенном виде. Иду.

Уши моего соседа по парте Николаева густо краснеют. И я знаю, в чем дело: у него, наверное, ситцевый галстук. Весь наш класс разделился на «ситцевых» и «шелковых». Шелковый галстук – яркий, как пламя, красиво то-

порщится, а ситцевый – темный и свисает, как тряпка.

– А я вообще эту портянку не буду носить! – гоношился перед уроками хулиган Остапов. – Пусть примут, и всё!

Но в основном «ситцевые» помалкивали. Стыдились? Мне, например, было стыдно оттого, что я рядом с Николаевым и у меня – шелковый. А вдруг и у него шелковый? Пустая надежда. Я был у него дома, видел, как они живут.

Марья Сергеевна приближается. Я вынимаю из портфеля аккуратно сложенный бабушкой галстук и кладу. Он сразу расправляется, как живой. Ни складочки! И я чувствую, что он даже освещает снизу мое лицо.

– Что это? – скрипучий голос Марьи Сергеевны. Это не мне. Она идет по проходу со стороны Николаева. Уши его еще больше краснеют. А я ничего и не вижу, кроме его ушей. Отвернулся от меня вообще!

– Что это? – повторяет она.

– Мать сшила, – сипло говорит Николаев.

– Посмотрите – что это? – она повышает голос и, видимо, поднимает галстук Николаева на всеобщее обозрение. Я не знаю, я не смотрю. – Что это, я спрашиваю вас! – голос ее звенит. Она подключает к этому делу класс. И все рады:

– Носовой платок!

– Носок!

Класс гогочет, шумит. Почему не подухариться всласть, если училка того хочет?

Николаев хватает школьную сумку – тоже сшитую матерью – и выбегает из класса.

Неуютно в этом дворце. Шикарно, но холодно. Неужели Киров тут жил? Большой зал, но почему-то стеклянные стены. Тропические пальмы явно зябнут. И меня знобит. Родители мои не бедные, я считаю, но бабушка нашла мне белую рубашку только с короткими рукавами. Летнюю! Уж не могли нормальную купить!.. Но на самом деле я страдаю из-за того, что нет Николаева. Неправильно это!

Нас строят. Потом, улыбаясь, входят старые большевики – и каждому из нас достается свой. Мне повязывает галстук моложавая тетя. Когда это она успела поучаствовать в революции? Потом мы поднимаем ладони над головой в пионерском салюте и произносим клятву. И от этой торжественности знобит еще сильнее.

– Киров здесь никогда не жил, – красивая седая женщина начинает экскурсию, – это бывший дом балерины Кшесинской. Но здесь после революции располагались различные

советские учреждения, и Киров бывал в них по служебным делам. Поэтому в здании решено было создать его музей, и в 1938 году музей открылся. Я заведующая фондом рукописей Фаина Васильевна. Если будут вопросы – не стесняйтесь, спрашивайте.

Вопросов никто не задает, но шумят здорово. Раз уже всё позади – можно галдеть. Я пытаюсь слушать, хоть что-то запоминать. Всего-то три зала. Первый – детство, старые фотографии. Второй – деятельность Кирова, группы людей, высокие горы, пароходы, военные строем. Слов заведующей в гвалте не разобрать – а она специально не повышает голоса. Вот улыбающийся Киров в окружении радостных пионеров. Обиженных среди них нет. Киров такого бы не допустил.

Третий зал посвящен убийству Кирова. За что? Он сделал столько добра. Таких особенно жалко. Откуда-то течет тихая музыка. Тут народ умолкает. На фото – Киров в гробу. А вот длинная очередь трудящихся – проститься с ним.

Фаина Васильевна указывает на отдельно висящий портрет.

– Это Николаев, убийца Кирова.

И наших вдруг охватывает дикая радость!

– Теперь понятно, почему Николаева нашего не приняли. Вот гад!

Общий хохот.

– Наш-то Николаев при чем?! – говорю я.

И все переключаются на меня.

– Понятно, почему они за одной партией сидят!

– Ти-хо! – Оказывается, и Фаина Васильевна может рывкнуть.

Все умолкают. И она быстро заканчивает экскурсию.

Честно говоря, я расстроился. Ну почему так? Вдобавок ко всему в рукаве пальто нет моей шапки. Выпала? Но где же она? Все радостно удалились, а я стою. Переживаю все сразу. И вдруг показывается Фаина Васильевна.

– Ты чего?

– Не могу шапку найти, – признаюсь я.

– Это не она? – Показывает на торчащую из-за батареи лямку.

– О! Она! – Вытягиваю шапку. Вся в мелу. Специально засунули. Торопливо пытаюсь оттереть мел.

– Не хочешь чаю со мной попить?

– Давайте!..

– Ты, я вижу, парень с душой. Переживаешь! Таким нелегко.

– Почему? Мне легко!

Теперь-то, конечно, да. В комнатке Фаины Васильевны тепло, не то что в этих... залах. Го-

рячий чай! У нас дома чай всегда чуть теплый, как-то без внимания. А тут хорошо. Кругом папки, на полках и столах, и от этого почему-то уютно.

– Вот, обрабатываем материалы, вспоминаем современников Кирова. Готовим для выдачи. Люди пишут диссертации. Даже книги. Но приходится немножко... обрабатывать нам.

– Ошибки?

– Да... И не только грамматические. Люди самое лучшее должны знать! – Она улыбается. – Хочешь к нам ходить?

– Да!

– У нас есть клуб юных историков. Правда, не таких юных, как ты. Но изучение истории, – она кивает на папки, – развивает не только ум, но и душу. Юность Кирова мы уже обработали. Но читать можно только здесь.

– Да это... самое лучшее место! – говорю я.

Здесь действительно уютно. «Хозяин» этого дома Киров нравится мне – бодростью, уверенностью, успешностью. Я бы так тоже хотел... В клубе юных историков я поначалу сидел в углу и слушал, но потом мне уже хотелось говорить, эмоции бушевали!

ГЛАВА 2

Забрякал телефон, возвращая к действительности. Глянул – Борис.

– Страфстфуйте! – заговорил, как всегда юродствуя. – Как фы сепя чуфстфуете?

Но я ответил серьезно.

– Чувствую себя средне. А что?

– Ттумаю фас нафестить.

От боли мутит. И особо накидывается она, если двигаешь лицом, разговариваешь.

– По работе, надеюсь? – говорю что говорится – не думая.

– Тта, по рапотте!

Нажимаю «Отбой».

Ну что ж, видимо, пора, чтобы явился некий божий судия, как положено. Хотя почему Борис? Достаточно того, что он всегда судил обо всем уверенно. Дефицит кадров, как и везде.

Начались наши трения с Борисом в больнице, где и должны закончиться согласно законам классицизма. Первая моя больница! И эта... только не говори, последняя, слова имеют страшную силу. Да и телевидение, с которым он притащится, – тоже.

Та больница. Мне шестнадцать лет. Возраст, когда все должно наконец определиться... но не определяется! Ангина. Распространеннейшая тогда болезнь. Опухание горла на грани задыхания, вонючие горькие мази – «Кха-кха!». Большие пыльные окна палаты. И такая же неуверенность в будущем, как и сейчас. Больница – это такое место, где приходится осознавать что-то неприятное. Помню, страдал. И не только от медицины. Медицина захомутала тут всех. Сотни шумных ребят, больница огромная (не могу, кстати, найти ее в городе сейчас) – проблемы с горлом у всех! А вот что именно с тобой не так? Все вскакивают и куда-то несутся. Оказывается, обед. А я даже не знаю! Забыл? Сам дурак. Так можно мимо всего пролететь. Парень рядом со мной только что появился и уже все знает, со всеми заодно – вместе со всеми, – кстати, и дразнит меня. Я же вроде, как все, стараюсь не выделяться, и лицо нормальное – глянул на отражение в стекле. Но что же не так? Было правило, никем у же

не обсуждаемое: приносить в палату два кубика масла, входящих в обед, и два куска хлеба, и съесть их в палате за дружеской беседой, намазав масло на хлеб. И я принес. У каждого оказывался в руках бутерброд – как пропуск в благородное общество. Но... Не положила мне мама ножа! При этом был он не у всех, спокойно брали соседский или тырили в столовой. «Ладно, – сказал я себе, – завтра так и сделаю. А пока...» Я, немного отвернувшись, положил два куска масла на один кусок хлеба и вторым накрыл. Сжал оба куска, масло слегка расплющилось, да я еще и поерзал верхним, размазывая. Вот так! Я распахнул рот, вставил туда свое двухэтажное изобретение и попытался раскусить. Сразу заметили!

– Гляньте! В двойном размере! В двойном размере ест! – ликуя, кричал сосед мой по палате тощий Борис с синими губами и острым носом. Доходяга, в сущности. Но сейчас он был королем! Все смотрели на него, а потом уже на меня.

– Эй, В-двойном-размере! Куда пошел? – не унимался он.

Я, постояв у двери, вернулся, и доел двухэтажный свой бутерброд под общий хохот. Развеселил доходяг. И дальнейшие попытки мои сделаться как все радостно пресекались. «Эй! Ты что, ножик тыришь? Положь!» – это

в столовой. В палате: «Не давай ему ножа, не давай! Пусть в двойном размере хаваает, буржуй!» Какой я буржуй? И руководил всем этим Борис, мой теперешний друг. Такие, видимо, и попадают на телевидение и там уже делают с нами что хотят. Представляете, какую жизнь прожил я с ним?

«Борис, председатель дохлых крыс!» – дразнилку я помнил. Но «не публиковал». Знал – не одобряют. Он действительно на крысу похож: подбородок скошен, зато все рыло вперед и по бокам маленькие глазки. Но весьма уверенные, особенно сейчас, когда он надел пенсне.

«Да это все не так делается!» – выражение, пронесенное им через всю жизнь. Но беда была общей у нас. Время от времени нам в палату вкатывали наших же ребят с прооперированным горлом – хрипящих, окровавленных, задыхающихся. Вырезание гланд – прямо из горла. Тогда считалось это необходимым для детей, чтобы не болели потом ангиной. Что это может оказаться страшнее ангины, как-то не задумывались. Приказ! И вот однажды, когда привезли к нам очередного прооперированного, Борис вдруг проникся сочувствием и ко мне – я был следующим в очереди. А в этот момент как раз уныло проделывал свой фокус – «В двойном размере».

– Да это не так делается! – в сердцах произнес он и протянул мне нож. А потом – и руку.

– Борька Шашерин!

Да кто же его не знал.

– Валерка Попов! – это я произнес с тенью шутки. Поймет? Но его тянуло на пафос.

– Питерцы должны выручать друг друга! Блокадник?

– Нет, – это я выговорил с трудом, но иначе не мог, врать я тогда еще не научился.

– Ладно. Бери! – Он все еще держал в руках нож как символ примирения. Так бывает.

– Нет. Спасибо. Я уже так люблю. – Я разинул рот как мог, чтобы вставить «сооружение». Тут могла бы возникнуть ссора... Но доброе дело, как и должно быть, имеет хорошее продолжение.

– Глянь, какие погоны к нам зашли! – воскликнул Борька в восторге.

Я, с разинутой пастью, глянул на дверь и замер – стояла мама, озираясь, и с ней какой-то уютно кругленький, сияющий улыбкой и лысиной (а также погонами, поразившими Бориса), смутно знакомый человечек.

Я отложил бутерброд и закрыл рот.

– Так вот же Валерка! – воскликнул он, и они с мамой кинулись ко мне.

– Помнишь меня? – сияющий генерал тряс мою руку.

– А, вспомнил, вы в командировку к нам приезжали.

– Ну вот, а теперь уезжаю. Давай-ка заглянем с тобой к главному врачу.

Появление это – не просто так, обязательно что-то будет, почувствовал я. Очень бы не помешало в этой жизни. Знаки различия я знал: змея с чашей на погонах – значит, врач. Но и мамин друг!

– Скажи, что я с тобой! – шепнул мне Борис.

– Вот и мой друг тоже хочет... пойти, – выдавил я.

– Шашерин Борис! Тоже с этим делом! – он провел ребром ладонью по горлу. Гость оценил, захохотал.

Мама встревожилась, но гость продолжал сиять.

– Ладно. Пошли с другом. Василий Чупахин! – Он пожал руку Борису. Рука его по сравнению с шершавой рукой друга была маленькая и мягкая.

Высокий гость невысокого роста зашел в кабинет к главному врачу, и там слышался то веселый разговор, то хохот. Так он, видимо, всех и покорял.

– Приезжайте к нам – примем лучшим образом! – щебетал Чупахин.

Хозяин кабинета проговорил что-то тихо, и Чупахин захохотал.

– Ты узнаешь его? – мы с мамой сидели у двери, и мама нервничала. – Это Васька Чупахин, мой старый друг, еще школьный. Он сейчас главный врач крупного военного санатория в Сочи. Он хочет тебя... – Глянув на моего друга, она осеклась, заговорила о другом:

– Васька (была у нее как у дочери академика привычка говорить обо всех свысока, что меня смущало) уверяет, что гланды давно уже никто не рвет. Это дикость. Гланды необходимы. Последние исследования показали: на них все микробы оседают. Хочет тебя... то есть вас, – глянула на Борьку, – забрать отсюда.

– А куда? – нахально спросил Борис.

– А на кудыкину гору! – весело ответила мама. Она, вообще-то, была веселая, только с моей болезнью – и с уходом отца – стала часто задумываться. – Тихо! – сказала она и подошла к двери.

Чупахин душевно попрощался с главным. За скрипела дверь. Мама отскочила. Вася выкатился, как шаровая молния, но – несущая радость.

– Ну вот, орлы, все в порядке! Летите! – сказал он.

– Куда? – спросил Борис.

Но его вопрос как слишком наглый был оставлен без внимания. И мама решила, что

на Борьку можно больше внимания не тратить. Сын рядом.

– Вот, – торжественно сказала мама мне, – Василий хочет тебя забрать к себе в санаторий. Подлечишься. Искупаешься в море. Окрепнешь! – Мама сияла. Вот какие друзья у нее!

– А меня, значит, – под нож? – хмуро проговорил Борис.

– Ну почему же под нож? – с нетерпением произнесла мама. – Тебе же сказали – можешь идти.

– Ну да! А через неделю опять заберут. И – чик! – Провел большим грязным пальцем по острому кадыку, выпятив еще и нижнюю челюсть.

Васе как яростному противнику вырезания гланд не так легко оказалось от него отвязаться... Ну вот. Самое время проверить, что я за человек. Борис все-таки помог мне, хоть и не сразу!

– Вообще-то, мне будет с ним веселей! – прохрипел я, не глядя маме в глаза.

Чухахин прищурил один глаз, что-то прикидывая.

– Веселей, говоришь? А давай! – Повернулся к Борису. – Если денег на билет наберешь на плацкартный – давай! Парень ты, я вижу, шустрый.

– Кореша скинутся! – веско сказал Борис.

Чупахин глянул с интересом: что за кореша?

И жизнь показала, насколько Чупахин умен и умеет использовать неожиданности: Борис оказался в Сочи гораздо нужнее меня.

– Ну тогда едем завтра! – Чупахин вздохнул. – Жалко, что ты, Алевтина, с нами не едешь!

– Так ты и не зовешь, – произнесла мама кокетливо.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА